

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Воскресенская Марина Аркадьевна

**МИРОВИДЕНИЕ ТВОРЦОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА:
Исторический контекст и социокультурные факторы формирования
общественного сознания российской культурной элиты
рубежа XIX – XX столетий**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Санкт-Петербург

2008

Работа выполнена на кафедре истории России с древнейших времен до XX века Санкт-Петербургского государственного университета

Научный консультант: доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН
Рафаил Шоломович Ганелин

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Алексей Николаевич Цамутали

доктор исторических наук, профессор
Алла Александровна Смирнова

доктор исторических наук, профессор
Валентин Иванович Хрисанфов

Ведущая организация: **Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена**

Защита состоится «___» _____ 2008 г. в _____ на заседании диссертационного совета Д 212.232.52 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете (199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, исторический факультет, ауд. 58).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. А.М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

О.Н. Бачурина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы и актуальность ее решения

Серебряный век резонно ассоциируется с небывалым творческим расцветом русской культуры, прерванным событиями первой мировой войны и революции. Однако вряд ли именно этим обстоятельством обусловлена самобытность данного явления. Культурный взрыв был приметой времени, отличительным признаком всей переходной эпохи, завершавшей период Нового времени в русской и европейской истории.

Серебряный век представлял собой специфическое образование в ряду многих культурно-исторических явлений рубежа XIX–XX столетий. Творцы Серебряного века составляли достаточно узкую и замкнутую, элитарную среду, обособленность которой была очевидна самим свидетелям и участникам исторических драм переломной эпохи. Детерминацией разрыва между различными стратами интеллигенции служили не столько социальные или материальные противоречия, сколько мировоззренческие диссонансы, разные взгляды на мир. Углублявшийся социокультурный раскол свидетельствовал о серьезных ментальных подвижках, вершившихся в ту пору в умах интеллигенции. В наиболее образованных и утонченных ее слоях происходил глубокий духовный кризис, связанный с неприятием политического радикализма в общественной практике и вульгарного материализма как общего принципа миропонимания. Блестящим следствием этого подспудного процесса и явилось рождение Серебряного века.

Серебряный век – это уникальный социокультурный феномен, сформировавшийся в рамках русской культуры конца XIX – начала XX столетия на основе специфического мировидения. В такой научной интерпретации он привлекает исследовательское внимание в качестве объекта исторического анализа, назначением которого становится не просто адаптация философско-эстетических рефлексий или искусствоведческих дескрипций к событийному контексту изучаемой эпохи, но определение характера отношений человека с миром в конкретных культурно-исторических условиях.

Исследовательское обращение к проблемам мировидения делает наше историческое зрение более объемным, многогранным. Подлинно глубокое и всестороннее осмысление исторических событий и процессов, полноценный анализ социальных институтов и коммуникаций невозможны вне контекста духовного состояния общества. Социально-психологические характеристики социума, картины мира, способы мышления не должны трактоваться как второстепенные элементы общественной жизни, возникающие на определенном историческом фоне. Сфера общественного сознания – это неотъемлемая составляющая своей эпохи, ее важнейший репрезентант. Изучение экономических и политических реалий без учета интеллектуальных, нравственных, психологических, духовно-творческих

факторов не может исчерпывающе раскрыть логику исторического движения.

Влияние мировоззренческих импульсов на ход общественного развития становится особенно заметным в сложные переходные периоды, что наглядно продемонстрировала эпоха перемен времен заката Российской Империи. Кризисные процессы рубежной поры, когда страна оказалась на историческом распутье, проявились, в том числе, и на ментальном уровне. Выбор, предопределивший всю историю России в XX веке, в немалой степени зависел от состояния умов, от характера самосознания общества, от образа мыслей и миропредставлений различных социальных слоев. Особый смысл в русле данного дискурса приобретает специфика мировидения культурной элиты, то есть наиболее духовной, мыслящей и образованной среды. Формирование культурной элиты российского общества конца XIX – начала XX века, обозначившее социокультурный раскол интеллигенции, повлекло за собой расширение и вариативность поисков интеллигентской мыслью новых исторических путей России и всего мира.

Интеллигенция изначально представляла собой не только социально-профессиональный слой в стратификационной структуре российского общества, но и своеобразную культурную общность. Ее самосознание заявило о себе в условиях, когда интеллигенция была оторвана от действительного участия в государственном строительстве и народной жизни, но, тем не менее, ощущала себя участником и вершителем национальной судьбы. Она всегда выступала общественной силой, формулирующей назревшие в обществе проблемы и продуцирующей определенные идеалы, выполняя в повседневной практике задачу формирования культурных ценностей и духовно-нравственных установок. Однако представления об этих идеалах, иерархия ценностей, расстановка приоритетов в сфере жизненных интересов и принципов не оставались неизменными, раз и навсегда заданными. Различные локальные страты, входившие в состав интеллигенции, предлагали свои варианты решения жизненно важных для страны проблем. Собственно, этим разнообразием взглядов и было обусловлено расслоение прежде единой социальной группы.

Многое в начале XX века было предопределено тем, какие силы и тенденции внутри этого общественного слоя оказались более жизнеспособными, сыграв тем самым решающую роль в жизни страны. Культурная элита искала, но не сумела найти способы духовной интеграции общества. Вместе с тем, как показала история, альтернативный выбор, возобладавший на практике, в конечном счете, также не оправдал себя. На рубеже тысячелетий, спустя неполный век после крушения пришедших в полное противоречие с жизнью общественных порядков, Россия оказалась в похожем положении. В постсоветской действительности, в условиях распада прежней системы ценностей и резкой социальной поляризации вновь чрезвычайно обострилась проблема дезинтеграции общества. Это обстоятельство побуждает задуматься, в чем состояла ошибочность

предлагавшихся российской интеллигенцией на рубеже XIX и XX веков вариантов выхода из системного кризиса, которые либо вообще не были воплощены, либо обнаружили свою несостоятельность с течением времени. Возможно, имеет смысл поразмышлять и о том, не был ли какой-то рефлексивный опыт интеллигенции напрасно отвергнут социумом.

Проблема, поднимаемая в диссертационном исследовании, ставится как вопрос о влиянии культурного облика и умонастроений интеллигенции на выбор российским обществом средств разрешения кризисной исторической ситуации, сложившейся в стране в начале XX века.

Объектом исследования выступает часть интеллигенции, представленная культурной элитой российского общества конца XIX – начала XX столетий и составившая социальную базу культуры Серебряного века.

Предметом исследования является специфика мировидения культурной элиты Серебряного века, тот есть характерные особенности присущих данной социокультурной среде представлений о реальности.

Актуальность исследования мировоззренческого комплекса культурной элиты в историческом контексте переходной эпохи обоснована, с одной стороны, вполне очевидным сходством социокультурного содержания двух временных пластов на стыках столетий, аналитическое сопоставление которых может способствовать более глубокому пониманию сегодняшней действительности, с другой, – необходимостью избежать соблазна примитивных аналогий. Распространенное восприятие современных переходных процессов как возвращения на тот магистральный путь общественного развития, от которого Россия отклонилась в начале прошлого века, может оказаться заблуждением и требует тщательного компаративного анализа. Осмысление духовного состояния общества рубежной поры, проясняя характер самосознания интеллигенции, заостряет вопрос о ее роли в жизни России и ответственности за исторические судьбы страны.

Научная значимость темы исследования определяется общей переориентацией современного историописания от превалирующего изучения внеличных структур в сторону расширения антропологических изысканий. Серьезные теоретические наработки, накопленные мировой наукой в области культурной истории, обусловили все более широкое использование ее подходов в применении к конкретным сюжетам из отечественного прошлого, что придает новую динамику историческому познанию. В частности, культурно-исторические штудии могут способствовать переосмыслению сложившихся представлений о содержании и смысловых векторах общественных процессов рубежа XIX–XX столетий.

В диссертации отвергается сложившийся стереотип восприятия Серебряного века как явления исключительно эстетического порядка. За неизменно артистическими внешними формами его творческого самовыражения скрываются глубинные социокультурные основания породившей этот феномен исторической эпохи. И это выводит постижение

Серебряного века за пределы культурологических или искусствоведческих эзерсисов, вызывая настоятельную потребность в исследовательских изысканиях специалистов-историков.

Историографический анализ проблематики исследования

Историографическая ситуация, сложившаяся вокруг заявленной проблематики, неоднозначна. С одной стороны, исследовательская литература, посвященная тем или иным аспектам Серебряного века, весьма обширна как в России, так и за рубежом. Да и складываться она начала еще в эпоху *fin de siècle*. Но с другой стороны, все более явственно ощущается недостаточность теоретических выводов, широких культурологических обобщений относительно истории затрагиваемых в этих исследованиях феноменов.

Долгое время Серебряный век рассматривался только как эстетическое явление, совокупность модернистских течений в литературе и искусстве рубежа XIX–XX столетий, его изучение велось по отраслям гуманитарного знания, преимущественно искусствоведами и литературоведами. Позже его неотъемлемой составляющей была признана религиозная философия, постепенно расширился круг исследований интеллектуально-творческого наследия «русского духовного ренессанса». Но и эта грань культурной эпохи изучается как самодостаточная сфера, в узкопрофессиональном исследовательском поле, вне широкого исторического контекста. Историки по сей день почти не обращаются к исследованию культуры Серебряного века. Целостной, синтезирующей картины, воссоздающей облик означенной культурной эпохи и проникающей в суть ее ведущих духовных феноменов, пока так и не сложилось.

Накопление материала о культурных процессах конца XIX – начала XX столетий и начальные попытки его осмысления осуществлялись еще современниками эпохи. Первой на новые веяния в культуре откликнулась литературно-художественная критика. Поскольку рождение этих веяний происходило буквально на ее глазах, трудно в ту пору было бы ожидать по их поводу каких-то научно-теоретических выкладок. Зарождавшиеся процессы и феномены еще только вступали в стадию самоопределения, и потому в откликах на их появление не разграничивались понятия «декаданса», «символизма», «модернизма», использовавшиеся практически как синонимы. Во всех литературных и эстетических лагерях «декадентство» поначалу было встречено в штыки. Единодушное отрицание «новой поэзии» не содержало в себе глубокого анализа, стремления понять сущность «декадентства» как литературного, эстетического и социального явления. И происходило это по вполне понятной причине: требовалась определенная временная дистанция для подлинного философского и научного осмысления его сути. Нередко критика сводилась к постановке «диагноза» символистам, как людям, якобы психически нездоровым (Н.Н. Баженов) или к едким пародиям (В.С. Соловьев).

Позицию «старого» реализма выразил Л.Н. Толстой в трактате «Что такое искусство?» (1898). Он считал декадентство художественно и философски несостоятельным, болезненным явлением в духовной жизни Европы и России. Писатель утверждал, что современное ему искусство перестало быть важным общественным делом, превратилось в забаву, бессмыслицу, уйдя от острых проблем современности в область формальных исканий. Он не принял взгляда на красоту как проявление абсолютно совершенного начала, считая эту идею подменой нравственности.

Народническая критика восприняла модернистское искусство («декадентство») как новый вид порока, вроде пьянства или наркомании. Однако отдельные представители этой литературной группировки выдвинули более объективные оценки, предложили более глубокие суждения. Н.К. Михайловский возражал против поголовного обьявления всех адептов модернизма пациентами с психической патологией. Он выступал против узкой и односторонней оценки этого явления, которому придавал не только литературное, но и общественное значение. Уже в 1890-е годы критик совершенно точно вскрыл генезис декадентства, определив его как реакцию против натурализма и позитивизма, выражающую общий дух исторического момента.

Резко отрицательное отношение к модернистскому искусству выказывала марксистская критика, осуществлявшаяся к тому же исключительно с классовых позиций (Г.В. Плеханов, В.В. Воровский, А.В. Луначарский и др.). Основное внимание ее представители уделяли идеологическому разоблачению декадентства. Они верно подмечали, что декаданс – это порождение исторической эпохи, возникшее из неудовлетворенности буржуазным образом жизни. Однако, с точки зрения марксистов, новые течения в искусстве и литературе сами явились детищем буржуазного строя и сложились, прежде всего, как реакция против освободительных устремлений и классовой борьбы пролетариата.

Общий первоначальный вывод критики, сводившийся к уличению русских «декадентов» в компиляции идей и настроений западных модернистов, постепенно уступал место пониманию, что русское декадентство уходит корнями в российскую почву (А. Климентов, М. Гофман и др.). Представитель академического литературоведения, известнейший на рубеже веков профессор С.А. Венгеров настаивал на необходимости анализа общественных условий, породивших декадентство, не впадая при этом в крайность подчинения литературного процесса теориям экономического материализма. Он характеризовал новейшие литературные течения как неоромантизм, первым внедрив данный термин в научный оборот. Это понятие, с его точки зрения, указывает на общность психологических настроений эпохи. Тем самым был сделан важнейший вывод для осмысления культурной природы Серебряного века. Правда, С.А. Венгеров распространял его достаточно узко: лишь на литературный процесс. «Веховская» критика (Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и др.) чрезвычайно

интересовалась модернистскими течениями и имела с ними, особенно с символизмом, немало точек соприкосновения. Общим у них было отрицание классового подхода к общественной жизни, общими – религиозно-нравственные искания, а также – представления о теургических, жизнетворческих потенциях искусства.

С крушением Серебряного века началось философское и культурологическое осмысление истоков и сути ушедшей культурно-исторической эпохи в эмигрантской мысли. В частности, Н.А. Бердяев, много размышлявший о ее глубинных основах, полагал, что она опиралась на все мировое культурное наследие (за исключением социологизаторских позитивистско-народнических тенденций). Мыслитель считал «русский духовный ренессанс» явлением целостным и вполне органичным своему времени, но в то же время достаточно узким, изолированным в социальном смысле.

После Октября в отечественной критике и научной литературе в отношении культурно-исторической эпохи Серебряного века был принят избалчивательный тон, стремление заклеить «упадочное модернистское искусство» и «реакционную буржуазную культуру». Ведущими стали мотивы резкого неприятия ко всему, что вступало в конфликт с заветами соцреализма и с ленинским принципом партийности. Первой и на долгие годы единственной попыткой глубокого философского осмысления сущности и содержания культуры Серебряного века (в частности, символистского движения, являвшегося ее моделирующим центром), стала статья В.Ф. Асмуса «Эстетика русского символизма» (1937). Основной посылкой рассуждений исследователя стало утверждение, что символисты ставили задачи не только формально-художественные, но в первую очередь практические – философско-исторические, этические, общественно-политические. Исходя из этого, философ характеризует символизм как один из важнейших фактов общественного развития и расслоения русской интеллигенции начала XX века. Однако все свои глубокие наблюдения и теоретические выводы исследователь осуществлял, как и в случае с С.А. Венгеровым, лишь в рамках литературного процесса.

По большому счету, культура Серебряного века выпала из круга научных интересов на долгие десятилетия. Творчество ее представителей в сталинскую эпоху изучалось фрагментарно и тенденциозно. Многие имена попали под запрет или просто замалчивались. Интерес к данному кругу культурных явлений заметно оживился в период «оттепели» и в последующие годы. Однако культура Серебряного века по-прежнему настолько не отвечала «духу времени», что актуальность ее изучения еще не слишком ощущалась ни в период «оттепели», ни в период «застоя», а тенденциозные идеологические суждения по инерции повторялись порой и в «перестроечное» время. Следовательно, пока рано было ожидать в этом плане по-настоящему новых подходов и концептуальных разработок. Вплоть до 1990-х годов философские и творческие концепции мыслителей и

художников Серебряного века интерпретировались как «духовные заблуждения», «отражение буржуазной идеологии», «искажение национального духа» и т.п. (Г.В. Манторов, В.Н. Дуденков, В.А. Кувакин, В.А. Сарычев, И.Я. Цвик и др.). Однако крайне идеологизированные оценки все же не исключали важных наблюдений исследователей советского периода относительно неразрывной связи модернизма с современными ему философскими воззрениями.

Уместно добавить, что крайне настороженное отношение проявлялось в советское время не только к модернистам или «веховцам», но ко всей интеллигенции в целом. Этим объясняется почти полное отсутствие научных разработок, посвященных разностороннему исследованию данного слоя общества. Редким исключением стали труды В.Р. Лейкиной-Свирской, в частности, монография «Русская интеллигенция в 1900–1917 годах». Привлечение данной работы к исследованию истории «русского культурного ренессанса» необходимо, несмотря на то, что предметом ее рассмотрения нельзя назвать собственно социокультурную среду творцов Серебряного века, поскольку выводы автора относительно социально-исторических факторов формирования различных профессиональных групп интеллигенции имеют значение для анализа локальных ракурсов существования и деятельности представителей ее отдельных стран.

Для полноты картины необходимо учитывать, что культура Серебряного века выразила себя, не только в философском и публицистическом теоретизировании, но и в художественном творчестве. Это обстоятельство вынуждает исследователя обращаться к работам в области искусствознания. Труды отраслевых специалистов в области литературоведения, искусствоведения, театроведения, музыковедения, в отличие от работ философов и эстетиков, были менее идеологизированными и, как следствие, демонстрировали более конструктивные и предметные подходы. Большая заслуга советских исследователей 1960–начала 1990-х годов, изучавших историю культуры рубежа XIX–XX веков, состоит уже в том, что они собрали и систематизировали обширный фактический материал, вернув из забвения огромный пласт отечественной культуры. Особое значение для культурно-исторических разысканий имеет привлечение тех трудов из области искусствознания и литературоведения, в которых содержится не просто описание художественных феноменов, но и их контекстный анализ, попытка осмысления общекультурных процессов рубежа веков, размышления об их глубинной адекватности мировоззренческим сдвигам и общественному климату эпохи (Е.В. Ермилова, А.Л. Казин, Е.И. Кириченко, А.В. Лавров, Т. Левая, Д.В. Сарабьянов, Л.В. Смирнова, В.М. Толмачев, В.С. Турчин и др.).

Вместе с тем, авторы подобных трудов решают все же свои узкопрофессиональные задачи. Отраслевой принцип изучения культуры необходим, но недостаточен. Для широких теоретических обобщений требуются синтезирующие междисциплинарные методы исследования.

Шагом в этом направлении можно назвать работу А.И. Мазаева «Проблема синтеза искусств в эстетике русского символизма», в которой анализируются эстетические концепции не только символистов-литераторов, но и композитора А.Н. Скрябина. Однако для определения глубинных основ и объединяющих начал культурно-исторической эпохи и этот подход достаточно узок. Более широко заявлена исследовательская проблематика в монографии М.Г. Неклюдовой «Традиции и новаторство в русском искусстве конца XIX – начала XX в.», где серьезное внимание уделяется не только искусствоведческим вопросам, но и анализу духовной атмосферы рубежной эпохи, осмыслению процесса формирования новых ценностных ориентаций в обществе, определению характера мирозерцания творческой личности той поры. Однако и здесь контекстный анализ решает задачи осмысления художественной динамики, а не культурно-исторической эпохи в целом.

Процесс накопления эмпирического материала по истории Серебряного века значительно интенсифицировался в постсоветскую эпоху. В исследованиях и учебных пособиях появился сам термин «Серебряный век», ранее практически не использовавшийся, хотя критерии единства этой культуры в науке не утвердились по сей день. Для историков, изучающих эпоху «русского духовного ренессанса», не осталось запретных тем и имен, значительно расширилась источниковая база и тематика исследований. Однако огромный массив открывшихся вновь источников привел к тому, что фактографическое изучение эпохи Серебряного века стало заметно преобладать над проблемным. Нельзя сказать, что теоретические проблемы совсем не ставились, но общая исследовательская направленность, наблюдавшаяся в этой области на излете XX века, носила скорее оценочный характер: то, что прежде определялось как «декаданс» (упадок), начало трактоваться как «ренессанс» (возрождение) (В. Дмитриев, И.В. Кондаков, А.И. Мандельштам и др.). Впрочем, многими тогда разделялось убеждение в том, что вполне закономерный процесс смены знаков в сфере изучения Серебряного века является необходимым моментом, предвещающим неизбежное появление в будущем фундаментальных культурно-исторических трудов.

Намеченная в то время историографическая перспектива пока остается, по большому счету, нереализованной, хотя за последние два десятилетия научному сообществу были представлены некоторые концептуальные разработки, способствующие глубокому осмыслению Серебряного века как многомерного социокультурного феномена. В научной литературе ставятся вопросы интегрирующих начал этой культурно-исторической эпохи (Л.Г. Березовая, Е. Эткинд), рассматриваются проблемы становления, динамики и трансформаций самосознания ее творцов (Л.Г. Березовая, Е.А. Голлербах, М.А. Колеров, И.П. Смирнов), психологических мотиваций интеллектуально-творческих процессов той поры (А. Эткинд), активно осваивается религиозно-философское наследие «русского духовного ренессанса» (В.Н. Акулинин, П.П. Гайденок, Н.В. Мотрошилова),

исследуются формы духовного общения и способы репрезентации творческой мысли представителей социокультурной среды Серебряного века, аспекты их повседневного бытования (Л.Г. Березовая, Н.А. Богомолов, С.С. Гречишкин, А.В. Вислова, Е.Ю. Иньшакова, А.А. Кобринский, Л.И. Тихвинская и др.).

Современные разработки отечественных исследователей близки проблематике и выводам зарубежной россики, в которой интеллектуальное и художественное творчество Серебряного века всегда находило почетное место в ряду наиболее ценных духовных феноменов русской культуры XX столетия. Вместе с тем необходимо отметить, что в мировой историографии прослеживается все та же тенденция узкотематического исследования рассматриваемой культурно-исторической эпохи. Зарубежными исследователями сделано немало важных наблюдений, способствующих ее глубокому осмыслению, но, как правило, она изучается в контексте развития, прежде всего, литературного процесса (Ж. Нива, А. Пайман, О. Ронен, И. Паперно, Ст.С. Хатчингс и др.).

В целом, в отечественной и зарубежной науке проделана огромная исследовательская и науковедческая работа, без которой невозможной была бы дальнейшая разработка культурно-исторической проблематики Серебряного века. Тем не менее, полноценная, всесторонняя история этой блестящей эпохи еще не написана. Корни сложившегося положения усматриваются в том, что до сих пор остается нерешенной аналитической задачей определение оснований социокультурной целостности Серебряного века. Вероятно, количественное накопление знаний об отдельных аспектах, деталях и гранях рассматриваемого социокультурного образования должно в конечном итоге перерасти в концептуальное постижение его внутренней сути. Думается, это возможно только в предметном поле исторического познания, по природе своей междисциплинарного и интегрирующего.

Цель и задачи исследования

Серебряный век рассматривается в диссертации как целостное социокультурное явление, духовно-мировоззренческая общность, базировавшаяся на особом мировидении. Поскольку при этом поднимается не искусствоведческая или эстетическая, а общественно-историческая проблематика, пусть и находящаяся в непосредственной связи с творческими опытами, то тем самым снимается необходимость подробного рассмотрения всех деталей творчества мыслителей и художников Серебряного века и индивидуальной творческой эволюции каждого из них. Представленное исследование сконцентрировано на попытке осмысления внутренней духовной сущности Серебряного века в его синхронном срезе, осуществляемой на основе конкретно-исторического и сравнительно-исторического материала.

Цель диссертационного исследования: выявление специфики мировидения, фундировавшего культуру Серебряного века, в контексте кризисной общественно-исторической ситуации рубежа XIX–XX столетий.

Задачи исследования:

- обоснование предметного поля культурной истории;
- определение социокультурной природы и культурных границ Серебряного века;
- выявление факторов формирования культурной элиты российского общества конца XIX – начала XX столетия и условий ее становления как социальной базы Серебряного века;
- анализ мировоззренческого комплекса культурной элиты (творцов Серебряного века);
- осмысление причин крушения культуры Серебряного века.

Источниковая база исследования

Корпус используемых источников составляют различные группы документов и свидетельств, подразделяемых по типу происхождения и формам представления содержательного материала.

Значительный массив сведений об истории и культуре Серебряного века содержит мемуаристика (А. Белый, Н.А. Бердяев, Д.Д. Бурлюк, Б.К. Лившиц, С.К. Маковский, В.В. Маяковский, В. Пяст, Ф.А. Степун, П.А. Флоренский, Г.В. Флоровский, В.Ф. Ходасевич, Г.И. Чулков и др.). Этот круг источников представляет интерес не столько с точки зрения реконструкции событий, сколько, в плане раскрытия нравственного климата и духовной атмосферы эпохи, проникновения в стиль мышления и образ жизни представителей изучаемой социокультурной среды. Труды, относящиеся к этому разделу, особенно интересны тем, что они наряду с фактическим материалом и отражением особенностей эпохи нередко содержат и определенные культурологические и историософские концепции. Зачастую их сложно четко классифицировать, поскольку они могут расцениваться и как источники, и как исследования. Долгое время сочинения, представленные в данном разделе, были недоступны широкому читательскому кругу. В «перестроечное» время и постсоветскую пору они начали активно переиздаваться, сначала хаотично и бессистемно, позже – в сопровождении серьезного научного и справочного аппарата. Ценность мемуаров заключается не в точности воспроизведения фактов – она как раз может быть нередко поставлена под сомнение и требует проверки и уточнений. Главное в том, что даже самые субъективные из них и лишенные скрупулезной документальности, позволяют воссоздать целостный облик людей и эпохи Серебряного века, запечатлевают дух времени с полнотой, недоступной официальным документам.

В другую группу входят источники личного характера: дневники, записные книжки, переписка (А. Белый, Н.А. Бердяев, А. Блок, В.Я. Брюсов, М.О. Гершензон, З.Н. Гиппиус, В.И. Иванов, Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, А.Н. Скрябин и др.). Подобного рода материалы имеют высокий уровень адекватности личности автора. Они с предельной точностью воспроизводят его тип сознания, логику мысли, психологический и нравственный облик, передавая живое чувство, непосредственное

переживание действительности, особенности мировидения автора и его социокультурного окружения.

Важное значение для воссоздания образа мыслей культурной элиты рубежа XIX–XX столетий имеют источники публицистического характера: теоретические и критические труды, изложения публичных выступлений, доклады, материалы дискуссий, нередко облеченные для печати в форму статей (А. Белый, Н.А. Бердяев, А. Блок, В.Я. Брюсов, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, З.Н. Гиппиус, В.И. Иванов, Н.О. Лосский, Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, Ф.К. Сологуб, П.Б. Струве, С.Л. Франк и др.). Эти работы изначально размещались в периодических изданиях, объединялись в авторских и коллективных сборниках. В советское время публицистические материалы предреволюционного времени переиздавались весьма избирательно. В этой связи можно назвать, пожалуй, лишь статьи А. Блока и В. Брюсова: включенные в собрания сочинений, они были снабжены обширным источниковедческим аппаратом. Публицистика Серебряного века начала активно переиздаваться с начала 1990-х годов. Что очень важно, она при этом подвергается глубокой научной обработке в виде примечаний, комментариев, предисловий и т.п. Особый интерес представляет «веховская» публицистика, раскрывающая суть мировоззренческого переворота в умах наименее политизированной части образованного общества начала XX века и обосновывающая общественную позицию культурной элиты, размежевавшейся с революционно-демократическим крылом интеллигенции, но не желавшей оставаться в стороне от решения жизненно важных проблем своего народа.

Анализ мировидения творцов Серебряного века потребовал также обращения к специфической группе источников, представленной памятниками философской и художественной мысли. Необходимость их использования логично вытекает из поставленной цели исследования, поскольку особенности философского высказывания и художественного языка иллюстрируют направленность и стиль мышления авторов творений в области любомудрия, литературы и искусства (А. Белый, Н.А. Бердяев, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, В.В. Маяковский, Н.К. Рерих, А.Н. Скрябин, Ф.К. Сологуб, П.А. Флоренский, С.Л. Франк и др.).

Предметная область

и общие методологические принципы исследования

Диссертационное исследование выполнено с методологической опорой на антропологически ориентированные принципы культурной истории, под которой понимается совокупность направлений и подходов, изучающих прошлое человечества с точки зрения культурных механизмов развития общества. Антропологический подход в историописании предполагает выявление внутренней позиции самих участников исторического процесса по отношению к окружающей реальности, их взглядов на жизнь и ценностных ориентиров. Культурная история представляет собой не автономную область

познания, а особый ракурс рассмотрения исторической действительности: в качестве определяющего фактора общественной динамики выдвигается комплекс доминирующих в социуме идей, миропредставлений, способов мышления и т.п. Культура в данном случае трактуется в широком семиотическом смысле: как система отношений человека с миром, определяющая характер его мировидения и регламентирующая все его социальное поведение.

Ментальные особенности, формы духовного освоения действительности и их трансформации обладают не меньшими основаниями для научного осмысления, чем политические, социальные, экономические реалии, поскольку не только материальные условия определяют характер мышления, но и изменения в сознании, в картине мира неизбежно ведут к перестройке всего жизненного уклада человека и общества. Более того, все процессы, происходящие в экономике, социальной жизни, политике, психологии индивида и социума, языке, искусстве и т.д., восходят к какой-то общей основе. Видимо, это и есть культура. Культура, вне зависимости от конкретной дефиниции, представляет собой производное сознания. Явление культуры не пассивный носитель информации, но осмысленная ее передача, вмещающая мировидения. Его изучение – это, в сущности, интерпретация смысла определенного взгляда на мир. Следовательно, предметным полем культурно-исторического исследования становится не внешне-событийная, а внутренне-смысловая история.

Цель исследователя, предпринимающего культурно-исторические, или историко-антропологические, изыскания заключается в выявлении смыслопорождающих оснований изучаемой эпохи и осмыслении структурной общности процессов, происходящих в различных доминионах культуры. Эта общность не должна подменяться механической совокупностью отдельных сфер общественного сознания, описываемых на соответствующем историческом фоне. Исследование, осуществляемое с таких позиций, требует использования различных методов в рамках междисциплинарного синтеза. Применительно к заявленной проблематике компаративный метод необходим для установления специфики Серебряного века по сравнению с западноевропейской романтической традицией, с особенностями русской культуры предшествующих периодов, а также с культурными тенденциями рубежа XIX–XX столетий, не относившимися к «русскому ренессансу». Историко-психологический метод применялся для исследования вопроса о типологии сознания, а также служил выявлению существенных черт менталитета русской культурной элиты Серебряного века и анализу самочувствия творческой личности той поры. Контекстный анализ позволил раскрыть общую духовную атмосферу рубежа веков и определить характер взаимодействия Серебряного века с эпохой, то есть проследить его связь с общекультурными и социальными сдвигами, происходившими в конце XIX – начале XX столетий, с религиозными, нравственно-этическими, художественными исканиями данного периода. Историко-

культурологический метод потребовался для прояснения вопросов о культурной природе Серебряного века, об органичности неоромантизма русской культуре, о том, насколько адекватное выражение нашла в нем духовная ситуация времени, наконец, о том, был ли он оригинальным явлением или заимствованным, привнесённым, хотя и вполне вписавшимся в общие исторические условия рубежной эпохи.

Научная новизна исследования

Новизна представленной работы может быть охарактеризована в различных аспектах. Она определяется концептуально-теоретической проработкой проблематики, связанной с историей Серебряного века, а также применением в ее исследовании новых методологических подходов.

В теоретическом плане диссертантом предлагается новое решение уже ставившихся в научной литературе проблем. Прежде всего, в диссертации представлена авторская концепция единства культуры Серебряного века, обосновывается авторский ответ на вопрос о его социокультурной природе. Если традиционные дефиниции интерпретируют его исключительно как эстетическое явление, то предложенное автором определение, опирающееся на культурно-исторические, а не искусствоведческие подходы, выведено, исходя из мировоззренческой парадигмы и общей направленности мышления представителей рассматриваемого социокультурного феномена. В этом случае целостность культуры Серебряного века определяется общностью мировосприятия, мировидения, в то время как в традиционных трактовках за критерий единства обычно выдается творческий метод, применявшийся в литературе и искусстве нереалистической направленности. На основе осмысления Серебряного века как культурно-исторической и мировоззренческой общности неоромантического характера впервые дан комплексный анализ картины мира его творцов.

В методологическом ракурсе работа строится на основе принципов гуманитарного мышления и антропологически ориентированных подходов к историческим изысканиям, что пока невозможно признать широко распространенной практикой в отечественной науке, хотя культурно-исторические направления все увереннее становятся неотъемлемой принадлежностью современной историографической реальности.

Апробация и практическая значимость результатов исследования

Материалы и выводы диссертации обсуждались на заседании кафедры истории России с древнейших времен до XX века Санкт-Петербургского государственного университета, где работа получила положительные отзывы.

Результаты исследования были представлены в докладах, включенных в программы ряда научных форумов. Среди наиболее значимых: Международная научно-теоретическая конференция «Власть и общество в России во время русско-японской войны и революции 1905–1907 гг.» (Санкт-Петербург, 29–30 сентября 2005 г.), VII Международные Лихачевские

научные чтения (Санкт-Петербург, 24–25 мая 2007 г.), VII Международная научная конференция «Государство, общество, церковь в истории России XX века» (Иваново, 13–14 февраля 2008 г.), Международная научная конференция «Декаданс в Европе и России: 150 лет под знаком смерти» (Волгоград, 9–10 декабря 2007 г.), Международная научная конференция «II Исторические чтения Томского государственного педагогического университета» (Томск, 20–21 ноября 2007 г.), Всероссийская научная конференция «Россия и революция 1917 года: опыт истории и теория» (Санкт-Петербург, 12–13 ноября 2007 г.), Всероссийская научная конференция «Мировоззренческие реконструкции традиционного сознания: стереотипы и трансформация» (Томск, 2–4 декабря 2003 г.), Всероссийский научный семинар «Культура. Древнее общество. Этнос» в рамках Всероссийской научной конференции «Междисциплинарный синтез в методологии гуманитарного исследования» (Томск, 28–29 марта 2002 г.), II Всероссийская научная конференция «Культура как способ бытия человека в мире» (Томск, 12–14 октября 1998 г.).

Основные положения диссертации изложены в 33 научных публикациях общим объемом 35,15 п.л., в том числе в авторской монографии (2 издания) и 8 статьях, опубликованных в ведущих научных изданиях, рекомендованных ВАК. На них базируются авторские курсы лекций «Серебряный век как социокультурный феномен» и «История русской культуры второй половины XIX – начала XX века».

Результаты работы имеют практическую значимость для исследователей, интересующихся мировоззренческой проблематикой в историческом контексте, методологическими аспектами и конкретными вопросами изучения культурной истории России. Материалы исследования могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов в области истории России, культурологии, историографии, методологии истории.

Структура работы

Диссертационное сочинение состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Систематизация материала осуществлена в диссертационной работе на основе проблемно-тематического принципа изложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** решаются науковедческие вопросы исследования. В этой части диссертации обозначена постановка проблемы, обоснована актуальность и научная значимость темы диссертации, сформулированы цели и задачи исследования, определена его новизна, охарактеризован корпус используемых источников. Значительное внимание уделено опыту научного изучения культурно-исторической проблематики, связанной с

Серебряным веком. Важное место занимает описание авторских методологических подходов.

В первой главе, «Исследование культурной проблематики в предметном поле исторической науки (Методологические пролегомены)», прослеживается развитие культурно-исторических подходов в мировой историографии и раскрывается содержание термина «культура», истолкованное с позиций культурной истории.

Необходимость включения в диссертацию этой вводной главы продиктована тем, что культурная проблематика все еще не заняла должного места в отечественном историческом познании. Под воздействием сложившихся в недрах догматически истолкованного марксизма стереотипов научного мышления сфера культуры по сей день трактуется многими как нечто факультативное, необязательно-прикладное к экономическим и социально-политическим реалиям. Как следствие, нередко культурно-исторический анализ подменяется поверхностными псевдоискусствоведческими описаниями. Другой негативной тенденцией, особенно активно заявившей о себе в последние годы, стало стремление вытеснить культурную тематику за пределы предметного поля истории в сферу культурологии. Такая установка представляется в корне неверной, поскольку предметом культурно-исторических штудий является не надличностный культурный процесс, а человек в истории, и адекватное познание данного предмета требует именно исторических методов исследования, в том числе в случае их применения в междисциплинарном режиме.

Формы познания прошлого не являются некоей абсолютной данностью и не могут оставаться неизменными. Они неизбежно трансформируются в исторической динамике социума, так как постоянно приводятся в соответствие с актуальными запросами наличной духовной ситуации. В сознании современных историков все глубже укореняется мысль о невозможности редуцировать историю к материально-экономическим условиям жизни людей прошлого. Генетический анализ исторических явлений и процессов сегодня опирается на принцип многофакторности. Установка на многофакторность при выявлении причинной обусловленности любых аспектов исторической действительности влечет за собой включение в активное исследовательское поле истории социокультурной проблематики, долгое время остававшейся на периферии профессионального внимания отечественных историков.

Опыт осмысления исторической реальности в культурных ракурсах обнаруживает свое давнее и постоянное, хотя и не оформленное институционально, присутствие в новоевропейской гуманитаристике. Гуманитарное научное сознание на рубеже XX–XXI веков не только в России, но и в мировых масштабах переживает период реактуализации исследовательского интереса к культурным контекстам истории. При анализе общих подходов к культурно-историческому познанию прослеживаются два

генеральных вектора его развития. Один из них представлен так называемой «историей культуры», ограниченной главным образом описанием творческих вершин в художественной, литературной, философской сферах, а также характеристикой уровня цивилизованности общества в социальной динамике. Столь усеченное содержание предмета научных штудий придает историко-культурным исследованиям нарративный характер, не создавая предпосылок для глубокого теоретизирования по поводу тотальных корреляций между культурой и социумом.

Другой вектор культурно-исторического познания направлен на поиски культурных оснований социальной действительности, на постижение культурных механизмов истории. Предметом научной рефлексии в данном случае являются картины мира и формы их объективации, то есть знаковые системы, средствами которых запечатлеваются и транслируются элементы мировидения, миропонимания, сложившегося в том или ином социуме. При таких исходных посылаках главным действующим лицом исторического движения выступает человек во времени и конкретные социально-исторические сообщества, а не абстрактные «классы», «массы», «структуры» и «процессы», нередко выдаваемые за самостоятельно действующие субъекты истории. И тогда перед нами уже не история культуры, к тому же, весьма узко понимаемой, а история общества, изучаемая в культурологическом ключе. Данная грань гуманитарного познания являет собой не какую-то самостоятельную научную дисциплину, а специфическую постановку проблем в рамках исторической науки. Совокупность различных историографических течений культурно-исторической направленности обозначается сегодня различными вариантами обобщающих определений, наряду с «культурной историей» используются и другие термины: «антропологически ориентированная история», «историческая культурология», «историческая наука о культуре», «культуральная история» и др.

Активное вхождение культурной проблематики в исследовательское поле исторической науки требует переосмысления содержания самого термина «культура». Антропологически ориентированное историописание опирается на смыслополагающие концепции культуры, акцентирующие значение такой ее функции, как генерация способов мироосмысления. В подобном ключе определяли и определяют задачи культурно-исторического познания Л.М. Баткин, М. Вебер, С.И. Великовский, К. Гирц, А.Я. Гуревич, А.Я. Флиер, О.Г. Эксле и многие другие отечественные и зарубежные ученые. В культурно-исторических построениях сфера культуры предстает как ценностно-смысловая система координат, ориентирующая человека в социальном пространстве. Культура формирует нормативные представления, тем самым задавая принципиальные векторы развития общества, закладывая ведущие характеристики всех сторон и аспектов его жизнедеятельности. Культура вырабатывает адекватные для данного социума способы познания и понимания человеком окружающей действительности (природной и

социальной), а потому является важнейшим условием человеческого существования, от индивидуального выживания до видового самосохранения. Культурная практика рассматривается как полимасштабная и многоаспектная система поведения и мышления человека, определяющая повседневное бытование социума и выражающая суть его отношений с миром.

Смыслополагающая интерпретация культуры ставит в центр исследовательского внимания не художественные приемы и стили, являющиеся предметом искусствознания, не особенности культурного процесса, исследованием которых занимается культурология, а модели сознания в контексте исторической эпохи. Иными словами, предметом культурно-исторического познания является человек в определенном историческом времени с присущей ему спецификой мировосприятия и способов социализации. Культурно-исторические штудии не должны сводиться к институциональному изучению доминионов культуры или к упрощенному нарративу вокруг интеллектуально-художественного творчества. Их главной задачей является выявление смыслового стержня изучаемой эпохи. Любые проявления жизнедеятельности социума можно интерпретировать как культурные знаки, в которых человек выражает свое понимание мира, и именно в этом качестве они становятся объектом научной рефлексии в рамках антропологически ориентированной истории.

Социальная среда, материально-экономические условия, политические реалии – факторы, безусловно, определяющие характер исторического развития общества, – функционируют отнюдь не в автономном режиме. Они сами во многом определяются ментальными характеристиками, состоянием умов, коллективными представлениями и воздействуют на человека через сформированные в социуме установки сознания, то есть через культурные механизмы. Включение культурогенных факторов в объяснительные модели истории, вопреки нередко раздающимся опасениям, не «размывает» ее предмет, а делает более объемным научный взгляд на историческую действительность.

Вторая глава, «Культурные границы Серебряного века», сосредоточена на обозначении формальных и смысловых пределов изучаемого социокультурного феномена и выявлении его внутренней, сущностной природы. Культурные границы Серебряного века достаточно условны, подвижны и проницаемы, установить их возможно лишь с относительной точностью.

Раздел «Обоснование термина “Серебряный век”» построен на полемике с исследователями, оспаривающими правомерность его употребления в научной практике. Противников использования выражения «Серебряный век» в отношении одной из самых блестящих эпох в истории русской культуры смущает несколько уничижительный оттенок смыслов, порой вкладываемых в него: в гесиодовско-овидиевском ключе под «Серебряным веком» понимаются культурные явления второстепенного

порядка по сравнению с некими высшими образцами, условно именуемыми «Золотым веком».

Однако оспариваемый термин, при всей своей расплывчатости, метафоричности, «ненаучности», достаточно активно функционирует в современном культурном обиходе. Указанное словосочетание мыслится как обозначение комплекса определенных конкретно-исторических явлений и процессов в русской культуре конца XIX – начала XX столетий. Другое дело, что дискуссии по поводу содержательного наполнения этого комплекса далеки от завершения. Вхождение термина в научный оборот (как в отечественной, так и в зарубежной гуманитаристике) указывает на то, что за ним стоит по-настоящему значимое явление, требующее не отрицания, а глубокого и тщательного изучения. Пока же гуманитарное познание не располагает даже более или менее удовлетворительным определением Серебряного века. Термин и обозначаемая им культура не могут и не должны исследоваться автономно, отдельно друг от друга. Адекватное определение предполагает постижение смысловой сущности сложного, многомерного социокультурного феномена, скрывающегося за рассматриваемым термином. Удовлетворяющая большинство исследователей его дефиниция не может быть выведена без постановки и решения ряда принципиальных вопросов, таких как:

- Генезис изучаемого феномена, анализ которого должен производиться с учетом многофакторности исторического процесса.
- Культурные границы рассматриваемого явления в хронологическом, пространственно-географическом, типологическом и иных аспектах.
- Факторы единства и целостности культуры Серебряного века; критерии отнесенности к ней конкретных культурных феноменов.
- Соотношение понятий «Серебряный век», «русский ренессанс» (с различными дополнительными определениями), «декаданс», «модернизм», «эпоха модерна» и др., используемых нередко как синонимы, то есть для обозначения одного и того же явления, что отнюдь не способствует прояснению его сути.

Серебряный век – культура, основанная на специфическом мировидении, своеобразном восприятии мира и понимания человека, его места в мире. Это время поиска новых художественных форм, соответствующих новому мироощущению. Данное культурно-историческое образование (пусть и не осмысленное пока до конца с научных позиций) не только заслуживает особого наименования, но и нуждается в нем в силу своей уникальности. Наименование «Серебряный век», закрепившееся за ним, вполне прижилось в научном и обыденном культурном обиходе. Используя это выражение в качестве термина, мы не даем оценок эпохе: мы пытаемся зафиксировать некую целостность обозначенного им явления с тем, чтобы на этой основе объяснить для себя его глубинную природу.

В разделе «Содержательно-смысловая целостность Серебряного века» дается типологическая характеристика рассматриваемого явления. Серебряный век не хронологическое обозначение, хотя этот феномен имел достаточно определенные временные рамки: последнее десятилетие позапрошлого века и два первых десятилетия века прошлого. Серебряный век – это метафора, мифологема, социокультурный образ, однако данное выражение наполнено и терминологическим смыслом. Изначально термин возник как общее обозначение новых поэтических течений, сложившихся в русской литературе на рубеже XIX–XX веков. Позднее он приобрел расширительное толкование и стал использоваться для характеристики определенных социокультурных процессов, происходивших в России в означенный период.

При этом не следует упускать из виду, что понятие «Серебряный век» не тождественно понятию «русская культура конца XIX – начала XX века», охватывавшему чрезвычайно широкий круг многообразных составляющих. Серебряный век – это специфическое идейно-творческое и социокультурное образование. Лежащее в его основе уникальное, неповторимое миропонимание требовало оригинальных способов самовыражения, не похожих на привычный язык высказывания предшествовавшего культурного поколения. Вместе с тем было бы большим упрощением считать критерием включения того или иного конкретного феномена в культуру Серебряного века его принадлежность к какому-либо модернистскому течению. Облик Серебряного века определяет не тот или иной художественный метод, не полемика между реализмом и модернизмом, а содержание творчества, проистекавшее, в свою очередь, из глобальной переориентации сознания эпохи и творческой личности. Только вскрыв характер данного процесса, можно осознать сущность Серебряного века и сформулировать концепцию его единства.

До сих пор за основу единства принимали какие-то частности, отдельные грани, которые необходимо привести к некоему «общему знаменателю». Над этой проблемой размышляли еще сами творцы Серебряного века, которые основным смыслообразующим фактором данной культуры считали возрождавшееся религиозное чувство, выражавшее себя не в ортодоксальных, но в исключительно творческих формах (Г.В. Флоровский, Н.А. Бердяев, Ф.А. Степун, С.К. Маковский и др.). Современные исследователи выдвигают в качестве критериев единства Серебряного века искусствоцентризм его представителей (А. Мандельштам, Е. Эткинд), плюралистичность русской культуры рубежа XIX–XX столетий и постановку ею сверхпроблем (И.В. Кондаков, Л.А. Рапацкая), творческий максимализм, которым отмечены все представители рассматриваемой культурной эпохи (В. Крейд), психологические проблемы, возникавшие из необходимости удовлетворить «полуязыческую» мистическую потребность (А. Эткинд).

Все выдвигаемые различными исследователями в качестве показателя единства культуры Серебряного века факторы принципиальны и неоспоримы. Но, ни взятые каждый по отдельности, ни в механической совокупности, они не проясняют самой внутренней природы процессов, происходивших в рамках Серебряного века. На самом же деле все отличительные особенности рассматриваемой культуры, как и ее мировоззренческую направленность, можно объединить обобщающим термином: неоромантизм. Это не литературное направление и не художественный стиль. Это тип мировосприятия, самосознания и самовыражения культуры. Именно неоромантизм тот общий знаменатель, к которому можно привести такие существенные для Серебряного века тенденции, как первостепенное внимание к метафизически понятой проблеме человека и предельным вопросам бытия, антирационализм, усиливающаяся субъективизация, лиризация и повышенная эмоциональность художественного творчества, религиозность, толкуемая не догматически, а как живой интерес к духовно-идеальному наполнению действительности, высокая знаковая насыщенность культуры, эстетизм, сознательное мифотворчество и, как вариант, жизнетворческие устремления художников, их склонность к артистическому универсализму, общее тяготение эпохи к мировоззренческим синтезам. На неоромантический характер культуры Серебряного века указывали многие исследователи, но неизменно неоромантизм лишь упоминается, вскользь и между прочим, как одна из множества черт, характеризующих эпоху. Он трактуется обычно как явление, однопорядковое с самыми разными категориями, такими как модернизм, авангард, символизм, модерн и т.п., в то время как все эти феномены являются составляющими неоромантизма как типа культуры.

В русской культуре на протяжении почти всего XIX века просветительские тенденции преобладали над романтическими. Вероятно, просветительская линия культурного развития была более актуальной для дореформенной России. Благодаря просветительской политике русского царизма в стране формировалось образованное общество и готовилась духовная почва для либеральных реформ. Однако российское просветительство получило и негативное продолжение в крайностях утилитаристского мироотношения и народнического экстремизма. После Великих реформ романтические веяния все активнее вторгались в духовную атмосферу российского общества. В определенной степени этому способствовало инокультурное, западное влияние, но оно не могло быть единственным и решающим фактором культурного развития страны. Гораздо большее значение имеет тот факт, что в пореформенной России под воздействием внутренних причин изменилась общая социокультурная обстановка. В частности, порождением пореформенной России стало новое поколение интеллигенции с иными духовными запросами и более широкими культурными и жизненными интересами, чем у «шестидесятников» с их

склонностью к политиканству и беспрекословной подчиненностью задачам социальной борьбы.

Неоромантические тенденции заявили о себе во всех ведущих культурных феноменах рубежной эпохи: они пронизывают искусство и литературу Серебряного века, его философские идеи, повседневное бытование, общественную практику. В каждом компоненте, в любой из форм реализации Серебряного века обнаруживаются детали, которые именно романтизм привнес в культуру. Он создал ритуальные формы поведения художника в обществе, разработал концепцию антимиметического искусства, сформулировав при этом его мифотворческие установки. Он предложил не подверженные сковывающему воздействию рационализма способы освоения действительности и символический язык изложения, отражающий парадоксальные, свободные от логических схем ходы мысли. Главное же, что объединяет все составляющие культуры Серебряного века – это романтическое отрицание буржуазно-мещанского духа и утилитарно-позитивистских ценностей, отрицание, по сути своей и форме не социальное, а духовно-эстетическое.

Существует большой соблазн трактовать складывание Серебряного века как прямое следствие «Великих реформ» подобно тому, как порой классический романтизм выводится непосредственно из Французской революции. Наличие здесь определенных причинно-следственных связей несомненно, однако их характер не столь поверхностен. Глубинные причины рождения Серебряного века следует искать не в экономике или политике. Не они, взятые сами по себе, направляли развитие культурных процессов, так же как и духовное творчество не было первопричиной происшедшего в экономической и социально-политической областях. Облик процессов, протекавших во всех сферах общественной жизни, определялся характером мировидения, менталитетом тех или иных социальных групп и общества в целом. Серебряный век как социокультурный феномен воплощался в совокупности процессов и явлений неоромантического характера, протекавших в русской культуре рубежа XIX–XX столетий и выразивших мировидение интеллектуально-творческих слоев интеллигенции, объединенных разрывом с позитивистско-народнической культурной традицией в поисках средств духовно-нравственного совершенствования мира.

В разделе *«Пространственно-временной континуум Серебряного века»* определяются хронологические и географические пределы рассматриваемой культуры.

Исторически эпоха Серебряного века совпала с закатом Российской Империи, со временем правления последнего русского монарха, Николая II. В терминах традиционной периодизации мировой истории – это позднее Новое время и переход к Новейшему времени. И в России, и в Европе этот период нередко поэтически обозначается французским выражением *fin de siècle* – конец века. При этом имеется в виду не хронологически

определенный век, столетие, а окончание большого временного цикла, переход общества, быть может, всего человечества, в какое-то новое историческое состояние.

Начало Серебряному веку положили процессы, казалось бы, отстраненные от насущных проблем времени: обсуждение в пореформенной творческой среде форм и языка современного искусства и формирование новых направлений его развития. Однако за вспыхнувшими эстетическими дискуссиями и творческими поисками вставали мировоззренческие контексты эпохи. Согласно сложившейся исследовательской традиции отсчет истории Серебряного века принято вести с выступления Д.С. Мережковского в конце 1892 года в Русском литературном обществе в Петербурге, где он прочел публичную лекцию «О причинах упадка русской литературы», констатировав настоятельную потребность русской литературы в обновлении и определяя характер назревших перемен как усиление мистического и символического начала. Эта работа стала программным манифестом нового искусства и – шире – новой культурной эпохи. Его положения отражали специфику творческого метода и характер мировидения, уже воплощавшиеся к тому времени на практике в первых опытах русского символизма и предвосхищавшие близившийся философский расцвет «нового религиозного сознания».

Д.С. Мережковский, при всем новаторстве его идей, отнюдь не был «отцом-основателем» Серебряного века. Культурную эпоху невозможно «учредить» одномоментным актом индивидуальной творческой воли. Новое культурное мышление вызревало в недрах «безвременья» 1880-х годов – исподволь, постепенно, проявляясь поначалу какими-то предвестьями, отдельными «репликами» и тенденциями, далеко не сразу встреченными с пониманием. Широкий резонанс, вызванный выступлением Д.С. Мережковского, свидетельствовал о серьезных подвижках в общественном сознании, которое, наконец, оказалось готовым к восприятию свежих культурных веяний. Серебряный век стал реальностью не в момент зарождения нового мироощущения и нового языка культуры, а после того как достаточно заметные очертания приобрели слои их носителей и выразителей, с одной стороны, и реципиентов, с другой. По-настоящему новая культура сложилась, когда сформировалось сообщество, постоянно ее воспроизводящее.

Крушение Серебряного века, в свою очередь, было связано с распадом после Октября той социокультурной среды, в которой он творился. Стиль мышления и творческие методы, свойственные этой культурной эпохе, не исчерпали себя и вне ее пределов. Они долго еще характеризовали философскую мысль и художественную деятельность переживших Серебряный век его творцов и в изменявшихся российских условиях, и особенно за рубежом. Но это становилось уже фактом их личной биографии. Они хранили дух Серебряного века, но самого этого социокультурного феномена уже не было. В революционных катаклизмах рождалась иная

культура, потенциал которой оказался более востребованным и жизнеспособным в той конкретно-исторической ситуации. После «философского парохода» и вследствие репрессий, физически устранивших среду культурной элиты рубежа XIX–XX столетий, Серебряный век как целостное явление окончательно угас.

Вопрос о географических пределах «русского ренессанса» является проблемой не только не решенной, но, по большому счету, еще не решавшейся. Возможные исследования о его развитии в провинции все еще ждут своего часа. В настоящее время рано говорить о широком выявлении имен, философских и публицистических трудов, произведений искусства провинциальных деятелей культуры в рамках именно Серебряного века. Важно учитывать и тот факт, что традиционно все наиболее талантливые, значительные фигуры, как правило, тянулись в столицы, где они могли полноценно реализоваться, стать известными, войти в близкую им среду, почувствовать свою востребованность, состояться по-настоящему. Периферия таких возможностей не давала в силу тогдашнего состояния средств массовой информации, достаточно низких возможностей транспортного сообщения, а главное – цивилизационного облика нестоличных регионов и культурного уровня основного населения страны.

Приходится признать, что Серебряный век был явлением элитарным не только с точки зрения узости его социальной базы, так как этот социокультурный феномен имел и весьма ограниченные пространственные рамки. Безусловно, новые культурные веяния в определенной степени были восприняты в провинции. Но дух Серебряного века творился все же в столицах, где сложилась уникальная социокультурная среда, собственно и генерировавшая всевозможные формы его объективации.

В третьей главе, «Социокультурная среда творцов Серебряного века», рассматриваются исторические причины и общественные условия складывания культурной элиты российского общества конца XIX – начала XX столетий, характеризуются формы и способы ее социальной коммуникации.

Содержание *раздела «Культурная элита конца XIX – начала XX столетий как социальная база Серебряного века»* составляет анализ процесса формирования специфической страты российского общества, представленной создателями «русского культурного ренессанса». Облик рубежной для российской истории эпохи конца XIX – начала XX столетий во многом определялся процессом реструктурирования, протекавшим в среде интеллигенции. Разночинная интеллигенция, распространявшая по мере своих возможностей просвещение в почти безграмотной стране, выполняла важнейшую общественно-историческую и культурную миссию. Однако из этой массы в середине XIX века выделилась общественно активная группа, движимая стремлением к насильственному переустройству мира. Ее деятельность в основном свелась к политическому экстремизму,

негативными последствиями чего стали не только контрреформы в России, но и жесткий раскол в самой интеллигентской среде.

Корни раскола уходят в период реакции. Именно в пору «безвременья» и духовного застоя 1880-х годов начал складываться новый тип интеллигенции, которому на рубеже веков суждено будет стать культурной элитой российского общества и творцом Серебряного века. В пореформенную эпоху в среде интеллигенции начала складываться страта людей, воспитанных на безусловном признании абсолютной ценности книги, знания, искусства, всей духовной сферы. Появились потомственные интеллигенты – выходцы из профессорских семей или творческой среды. Этот круг лишь по формальным признакам может быть отнесен к разночинству. Свою роль в становлении новой социальной страты сыграли происходившие в России перемены, в частности, некоторое ослабление цензурного гнета и появившаяся возможность свободного выезда за границу.

Вступало в жизнь не просто новое поколение русских интеллигентов: внутри него начала выделяться страта людей, критически подходивших к традиционному сложившимся идеалам интеллигенции, людей, отвергавших революционное насилие и сосредоточивших свои усилия на поисках путей духовного совершенствования общества. Проявившиеся в народнической практике страшные стороны борьбы за политическую свободу вызвали не только протест против методов политического радикализма, но и реакцию отторжения от общекультурных оснований разночинского мировоззрения. Истоки Серебряного века лежали в отвержении нигилизма «шестидесятников», в неприятии их прямолинейных позитивистских построений и вульгарного материализма, в отрицании утилитарных установок по отношению к художественному творчеству.

Линия раскола пролегла не только между старшим и младшим поколениями интеллигенции: расколотым оказалось само поколение «детей». При этом явно наметившееся расслоение прежде единой социальной группы носило широкий социокультурный характер. По мере эволюции народничества и распространения марксизма в России смысл разногласий между антирадикалистским и революционным крылом интеллигенции оставался прежним: протест против уничтожения духовного начала в человеке, против подавления личности ради «общественной пользы» и торжества утилитарно-материалистического понимания жизни. Воспринимая убеждения и практическую деятельность революционеров-радикалов абсолютно безнравственными, новая интеллигенция не уповала на социально-экономические реформы и не возлагала надежд на политику. Только духовное преображение человека мыслилось в этой среде залогом коренного переустройства общества.

В недрах этой новой социальной группы сформировалась культурная элита российского общества рубежа XIX и XX столетий – специфическая страта интеллигенции из числа ее представителей, тяготевших к интеллектуально-творческой, а не политической активности, блестяще

образованных, выдвигавших общечеловеческие нравственные ориентиры и культурные приоритеты в системе ценностей, отвергавших методы политического радикализма и искавших путей духовного совершенствования общества. Социальный состав культурной элиты был вполне определенным: достаточно обеспеченные, высококвалифицированные, востребованные представители свободных профессий. Их социальное происхождение могло быть различным, но, в любом случае, позволявшим получить достойное образование, дававшее, в свою очередь, возможность стабильного существования или, во всяком случае, относительной материальной независимости за счет собственного интеллектуального и творческого труда. В большинстве своем они были выходцами из средних слоев общества: мелкого дворянства, купечества, профессуры, чиновничества (хотя были и исключения, как на одном, так и на другом социальном полюсе), то есть из среды, с одной стороны, не слишком политизированной, а с другой – не чуждой духовной культуре.

Культурная элита составляла ядро социальной базы Серебряного века. Вокруг нее формировался особый социокультурный микромир, в который включались не только выдающиеся личности эпохи, но и люди, вхожие в эту среду не столько своим творчеством или общественной деятельностью, сколько самим образом жизни, формами повседневного бытования, способами коммуникации. Они образовывали ту почву, на которой расцветала культура Серебряного века.

В разделе *«Аспекты социализации культурной элиты Серебряного века»* раскрываются коммуникативные характеристики рассматриваемой общественной среды. Серебряный век, являвший собой целостное социокультурное образование, воплощался не только в интеллектуально-эстетической сфере, но и в социальном, жизненном пространстве: через формы повседневного общения и образ жизни культурной элиты, способы презентации ее умонастроений и особенности их рецепции в массовом сознании.

Характер общения творцов Серебряного века определялся, прежде всего, стремлением создать среду духовных единомышленников. Этот круг вовсе не был идеологическим монолитом, предполагавшим абсолютное совпадение идейно-творческих и жизненных установок, принципов и убеждений. И все же в нем возникала духовная близость, основанная на схожих миропредставлениях, едином ощущении времени, общем отношении к жизни. В кружках, собраниях, объединениях художников и мыслителей Серебряный век творился как особая духовная атмосфера и микромир общения. Ни одно из творческих сообществ Серебряного века не похоже на обычное литературно-художественное объединение. В них входили не только поэты, художники, музыканты, но и люди, профессионально далекие от искусства и вместе с тем близкие артистической среде по духу, по характеру мировосприятия. Многочисленные «среды» и «воскресенья», и даже артистические подвальчики и кабаре Серебряного века лишь внешне

напоминали традиционные виды досуга салонной публики. По сути же они представляли особую категорию времяпрепровождения культурной элиты, содержание которого отнюдь не сводилось к праздным развлечениям. Смыслом этих собраний был живой обмен мнениями, идеями, мыслями о животрепещущих проблемах современности и вечных вопросах бытия, высокое напряжение умов, взаимное подпитывание творческой энергией.

Во всех своих проявлениях, и в ракурсах повседневного существования, в том числе, Серебряный век выражал себя исключительно творчески. Артистический принцип, царивший некогда в сообществе романтиков, главенствовал и в среде российской культурной элиты рубежа XIX–XX веков, избегавшей обыденщины, стремившейся расцветить скучные серые будни. Повседневность превращалась в объект творчества, буквально творилась, как художественное произведение, по законам искусства. Попытки художественной организации среды, предпринимавшиеся модерном, дендизм, ставший ведущим поведенческим модусом, богемный дух, рождавшийся в артистических кабаре, бесконечные скандальные романы и дуэльные вызовы, маскарады и мистификации, широко распространенные в то время, эпатажные и, казалось бы, совершенно антиэстетические акции футуристов – все это, в сущности, попытки творчества новой жизни, выстраивание искусственной реальности, иными словами – эстетизация действительности. Поэтический девиз «жизнь как творимая легенда» становился практическим требованием, реальным принципом жизнестроения.

В эпоху, насыщенную ожиданиями вселенских перемен, театрално-игровое начало в культуре было своего рода миромоделированием, попыткой выстраивания некой новой социальности и придания социальному взаимодействию новых смыслов. При этом процесс превращения жизни в театр не предполагал сторонних наблюдателей, и к активному участию в нем приглашались лишь избранные. Артистизм природы художника Серебряного века не означал его тяготения к массовости и нивелированию социального окружения. Культурная элита в восприятии обывателя оставалась отдельной, особой общественной группой, закрытой и недостижимой. Свойственный Серебряному веку, как и любой романтической культуре, эскапизм, стремление уйти от неприемлемой действительности в мир мечты и красоты, сопровождался демонстративным отторжением культурной элитой мещанской среды с ее бездуховностью и пошлыми вкусами. Избегая прозы жизни, творческая личность Серебряного века пустилась в нескончаемую карнавальность в стремлении выстроить необыкновенный, возвышенный, облагороженный красотой стиль общения. Однако смешение искусства с жизнью чаще всего оказывалось не одухотворением бытия, а духовным суррогатом. Эстетизм как жизненный принцип нередко подменялся эстетской позой, маской, игрой с вечными ценностями. Эти игры часто имели трагический, опустошающий души исход.

Гипертрофированное игровое начало во многом определило и характер взаимоотношений творческой среды с публикой. Ее интерес к культурным веяниям эпохи модерна далеко не всегда был глубоким и осмысленным, зачастую он ограничивался уровнем сплетен и карикатурных подражаний. Как показывает статистика, литературно-художественные и философско-публицистические журналы «русского ренессанса» расходились мизерными тиражами, да и сроки их существования были очень короткими, подобно недолгому времени активного действия творческих и выставочных объединений рубежа XIX–XX столетий. По большому счету, идейная и творческая мысль Серебряного века осталась явлением элитарным, близким по духу ограниченному кругу эстетов и интеллектуалов.

Оригинальные тенденции, заявившие о себе в творчестве и повседневной жизни российской культурной элиты конца XIX – начала XX века, были восприняты современниками как декадентство. Декаданс и в самом деле в значительной степени направлял характер идейных и художественных исканий европейской культуры *fin de siècle*, включая русский Серебряный век. Однако истолкование этого сложного ментального явления не следует примитивизировать, низводя его содержание до эстетизации зла и выражения упаднических настроений: прежде всего он стал показателем духовного нездоровья общества.

Социально-психологическое состояние декаданса возникло на закате завершавшей свой век эпохи, когда прежний мир уже рушился, а новый еще не был построен. Культура Серебряного века, включая срезы социализации, в немалой степени развивалась на основе переосмысления ницшеанского требования переоценки всех ценностей. Декаданс, в сущности, выступил необходимым условием осуществления «русского ренессанса», заострив вопрос духовно-нравственной переориентации общества и пересмотра всей системы человеческих отношений в соответствии с изменившейся картиной мира.

Содержание **четвертой главы, «Специфика мировидения российской культурной элиты конца XIX – начала XX века»**, составляет анализ мировоззренческого комплекса культурной элиты – ее картины мира, нравов и умонастроений, религиозно-нравственных исканий, историософских воззрений, стиля мышления и языка творческого самовыражения.

В *разделе «Картина мира творцов Серебряного века»* рассматриваются особенности миропонимания культурной элиты рубежа XIX–XX столетий. Его формировали характерные для духовной ситуации времени ментальные процессы: охватившее человека переломной эпохи чувство внутренней дисгармонии, ощущение непредсказуемости и катастрофичности жизни, вызванное новейшими научными открытиями и неотвратимо надвигавшимися социальными катаклизмами, осознание истощенности исторически сложившихся форм религии, отказ от

радикалистских политических взглядов, неприятие утилитарных установок вульгарного материализма.

«Русский ренессанс» возник на основе переосмысления базовых принципов мировидения части образованного общества конца XIX – начала XX столетий. На рубеже веков в среде культурной элиты начинает складываться критическое отношение к «историческому» христианству и традиционному православию с одновременным неприятием привычного интеллигентского безбожия и материалистического миропонимания. На рубеже веков сложилась парадоксальная духовная ситуация, когда в одно и то же время и «Бог умер», и «материя исчезла». В менявшихся социокультурных условиях традиционный религиозный догматизм явно изживал себя, приходил в противоречие с самим духом времени, но, с другой стороны, и откровенный атеизм уже выходил из моды. Картина мира Серебряного века была исполнена стремления к целостности бытия. Ни сциентизм, ни религиозная ортодоксия в своих крайностях не позволяли испытать ощущение полноты жизни. Во всяком случае, с точки зрения человека эпохи модерна. В его культурном сознании различные способы миропостижения вполне органично дополняли друг друга.

Порождением духовной атмосферы рубежа XIX–XX веков стала амбивалентность мирозерцания, столь характерная для культурной элиты того времени. В творцах Серебряного века сочетались европейская образованность, сформировавшая умы на основе научного мировоззрения, и мифопоэтическое переживание действительности. Человек рубежной поры, даже если он не приходил к вере и оставался чужд откровенной мистике, все же обретал многомерное мировидение, начинал осознавать присутствие в Универсуме иной реальности, неких непостижимых материалистически, но определяющих все человеческое существование измерений бытия. Обращение к метафизическому опыту стало альтернативой «позитивному» знанию, которое оказалось не в силах раскрыть тайных связей и соответствий, пронизывающих мироздание, судеб человечества, смысла и конечных целей истории. Ощущение внезапно открывшегося неисчерпаемого многообразия мира порождало скептическое отношение к науке, стимулировав поиски иных способов познания. Научное мышление не отрицалось полностью, но вместе с тем очень остро ощущалась его ограниченность пределами видимой, чувственно осязаемой действительности, в то время как безусловной реальностью в представлениях творцов Серебряного века обладало и нечто абсолютное, лежащее за гранью бытия, вне пределов мира утилитарных ценностей и социальной необходимости.

Свои искания и стремления в религиозно-мировоззренческой сфере культурная элита определила как «новое религиозное сознание». В сформулированной им концепции Богочеловечества произошло переосмысление христианства, которое стало восприниматься верой не только в Бога, но и в человека. Подобные воззрения отражали важнейший

момент в духовной истории страны: возраставший статус человеческой личности в социокультурных представлениях российского общества. На пути переустройства религиозной сферы творцы Серебряного века пытались решить и актуальные вопросы непростой исторической ситуации рубежа XIX–XX веков, в том числе – проблемы социальной справедливости и общественного реформаторства. Они уповали на грядущую замену земной государственной власти свободным религиозным союзом, основанным на всеобщей любви и нетерпимости к насилию.

Мироощущение эпохи не могло не сказаться на историософских представлениях культурной элиты. Возросший в обществе интерес к истории, вполне объяснимый, учитывая переломный, кризисный характер порубежья, нашел свое выражение не только в собственно историографической практике, но и в философской мысли «русского ренессанса», и в художественном творчестве Серебряного века. Историософия эпохи модерна носила типично романтический характер. Ее назначение усматривалось не столько в реконструкции конкретных событий, сколько в воссоздании духа времени изучаемой эпохи. Исторический процесс мыслился как бесконечный ряд сменяющих друг друга культур, каждая из которых являет собой замкнутую систему, проходит заверченный цикл развития: зарождение, расцвет, угасание. История в осмыслении творцов Серебряного века представала как цепь надчеловеческих коллизий, движение метаисторических стихий. Не социальные битвы составляют содержание истории, а извечная борьба двух абсолютных начал – Добра и Зла как метафизических величин, заложенных в неизменной природе вещей. Творцы Серебряного века не слишком интересовались суетными сиюминутными проблемами. Каждое частное, локальное событие они рассматривали на фоне Вечности. Серебряный век не отказался от историзма, но устранил из него социологическую доминанту. Его историософские и историко-художественные опусы – это поиски вневременных смыслов человеческого существования.

Творцам Серебряного века было свойственно окрашивать свои историософские представления в эсхатологические тона. Под воздействием соловьевского учения о духовном перерождении мира они осмысливали всю историю и культуру человечества как единую фазу развития цивилизации, как огромный заверченный цикл перед переходом человечества и всего мироздания в новое, идеально-духовное качество. Осознание исчерпанности, завершенности определенного исторического периода воспринималось как окончание исторического движения вообще, за пределами которого мир ждет принципиально иное существование. Проводником человечества на этом пути мыслился художник-творец. Повышенное эмоциональное переживание действительности, которая вышла из повиновения человеку, стимулировало религиозно-мистические искания, попытки обнаружить способы разрешения всех противоречий в сфере духа. Искусство становилось способом проникновения в трансцендентные сферы – средоточие абсолютных

смыслов, определяющих и направляющих все земное бытие. Из отражения жизни оно превращалось в ее порождающую модель. Онтологический статус его абсолютизировался, поскольку жизнь пытались строить по законам красоты, в соответствии с принципами искусства. Древнейшая в мировой культуре мифологема Творения на рубеже веков не просто обретает новое дыхание: она становится главным вектором в поисках ответов культурной элиты на «последние» вопросы. Тем самым во многом определяется оригинальный облик Серебряного века, специфика этой культуры по сравнению не только с классическим романтизмом, но и с западноевропейской эпохой модерна.

На рубеже XIX–XX столетий в культуру вернулось мифопоэтическое мироощущение, поэтически-эмоциональное переживание мира, больше отвечавшее духу времени, чем рефлексивно-дискурсивное его освоение. Однако неомифологизм принципиально отличался от мифологии как формы наивно-поэтического мышления древних времен. Опыт архаических эпох в современной культуре накладывается на попытки искусства проникнуть в глубочайшие тайники внутреннего мира человека. Субъективные импульсы, пронизывающие мифологизм рубежа веков, превращают его в авторское мифотворчество. При этом художник, ставший автором нового мифа, выступает и как его главный герой – демиург, призванный не столько отображать мир силой своего искусства, сколько преобразовать его своей творческой волей.

Жизнетворчество стало центральной темой социокультурной рефлексии Серебряного века, вобравшей в себя все ведущие мотивы и чаяния рубежной эпохи, выразившей основные принципы ее миропонимания, расходившиеся как с традиционной религиозной ортодоксией, так и с вульгарно-материалистическими воззрениями. Столь изменившийся взгляд на мир диктовал и специфический стиль общения с ним человека, обусловив складывание нового языка культуры.

В разделе *«Язык культуры Серебряного века»* анализируется стиль мышления и творческого самовыражения деятелей «русского ренессанса». Язык культуры – это, в сущности, средство объективации картины мира, если культуру определять в семиотическом духе: как способ отношений человека с миром. Он не столько описывает действительность, сколько выявляет смысловые ориентиры миропредставлений, присущих создавшему данную культуру социуму. Стиль мышления Серебряного века, как культуры романтического толка, был мифопоэтическим, а значит символизирующим, поскольку символ – центральный элемент мифологической картины мира и мифопоэтического языка культуры.

Ю.М. Лотман отмечал, что переломным, кризисным эпохам, сопровождаемым социальными катаклизмами, нередко свойственно резкое усиление знаковости, которое может свидетельствовать об изменении типа культуры. Общество, оказавшееся в ситуации исторического перелома, заново ищет способы обеспечения устойчивых отношений с миром, вдруг

переставшим быть привычным и знакомым. Восстановить распадающиеся звенья культурного мироздания, вновь привести в действие стабилизирующие и интегрирующие механизмы культуры в этих условиях лучше всего способен миф – ведь он не требует объяснений. Он говорит языком символа – суггестивным, а не понятийным. Когда рационально-логосные инструменты миропостижения не могут совладать с вышедшей из повиновения человеку действительностью, более подходящим средством рефлексии оказывается символ, не разъясняющий, а фиксирующий самые важные смысловые моменты бытия.

К числу таких эпох в русской культуре относится Серебряный век, причудливо переплавивший в себе устремленность к неведомым новым мирам, к обновлению всех сторон жизни и настойчивое обращение к традиционалистскому культурному опыту. Серебряный век, не повторяя известные фабулы древних мифов, возрождает миф как принцип миропонимания. Этот процесс был самым непосредственным образом связан с изменением статуса искусства в ту рубежную эпоху. Подобно тому как в архаические времена искусство не было только эстетической деятельностью, в эпоху Серебряного века оно наделяется внеположными ему теургическими функциями. *Художественное* творчество, взламывая границы искусства, превращалось в *жизнетворчество*, в созидание новой формы бытия, ориентированной на высшие духовные ценности.

Серебряный век творчески использовал внутренние механизмы традиционной культуры, обнаруживая смысловые связи с нею, а не копируя какие-то внешние ее признаки. Он строил отношения человека с миром подобно архаике, где знаковый, символический характер придавался всему окружению человека – природному и культурному. В условиях рубежной, переломной эпохи, когда облик мира разительно преображался в восприятии нового культурного поколения, сознание человека с помощью мифа и символа пыталось вернуться к целостной картине мира. Мыслителями и художниками Серебряного века мир одновременно и познавался, и переживался. Такая амбивалентность мирозерцания с необходимостью влекла за собой высокую знаковую насыщенность культурных процессов. Весь этот период имел символическую природу. Символизирующий стиль мышления, так или иначе, проявляется во всех ведущих культурных феноменах Серебряного века: в его литературно-художественных течениях, творениях «религиозно-философского ренессанса», культурно-исторической мысли, фактически, заложившей основы истории ментальностей, в практике модерна и даже в чертах повседневности.

В контексте проблем мировидения под символизацией не следует понимать узкое использование символа в качестве творческого метода, средства художественной экспрессии, и только. Символизм в данном случае выступает не в сугубо эстетической ипостаси, а как способ самовыражения культурно-исторической эпохи, характеристика свойственного ей миропонимания, ее мировоззренческий стиль (в терминах А.Ф. Лосева и

С.С. Аверинцева). Язык культуры Серебряного века стал непосредственным воплощением мировоззренческого стиля, неотъемлемыми чертами которого были тяготение к мировоззренческим синтезам, возрождение интереса к иррациональному, повышенная эмоциональность мировосприятия.

Под влиянием этих особенностей сформировалось характерное для эпохи взаимопроникновение философии, литературы и искусства, обусловившее, в свою очередь, философское содержание художественного творчества и образно-поэтические формы изложения философской мысли. Символизирующий стиль мышления опирается не на доказательность формально-логических умозаключений, а на истину чувства, переживания, интуиции, что предполагает и соответствующие способы выражения – косвенные, иносказательные, образные, ассоциативные. Актуализация этих элементов культуры на рубеже XIX–XX веков во многом была вызвана разочарованием в строгой научной рациональности, редуцирующей неисчерпаемые богатства жизни.

Мифопоэтическая доминанта языка культуры Серебряного века выдает ее романтическую природу, но отнюдь не возрождает конкретно-историческую ситуацию столетней давности. Если ведущая духовная интенция классического романтизма – это бегство творческой личности от уродливых сторон жизни в универсум внутреннего мира, погружение в бесконечные богатства и красоты собственной души, то в неоромантизме Серебряного века основной духовный посыл трансформировался в стремление к совершенствованию неудовлетворяющей действительности. В установках авторского мифотворчества сама жизнь трактовалась как «творимая легенда». В этой символической формуле заключена вся суть духовных исканий Серебряного века, порожденных духовной ситуацией *fin de siècle*. В жизнетворческом, мифопоэтическом ключе осуществлялось культурной элитой осмысление всех ведущих тем общественной рефлексии эпохи рубежа XIX–XX столетий.

В пятой главе, **«Проблема революции в общественном сознании российской культурной элиты конца XIX – начала XX века»**, дается анализ представлений творцов Серебряного века о возможных путях переустройства общества и рассматривается осмысление культурной элитой реальных революционных процессов и событий.

Раздел «Серебряный век в поисках путей пересоздания мира» раскрывает характер революционных ожиданий деятелей «русского культурного ренессанса». Проблема революции – центральная тема всей эпохи – представала в рефлексиях культурной элиты сообразно специфике ее миропонимания, постулировавшего примат духовных ценностей, приоритет надклассовых интересов, предпочтение культуротворчества политике. Творцы Серебряного века отвергали революционное насилие и методы политического радикализма, настаивая на поисках путей духовного совершенствования общества.

Интеллектуально-творческая среда Серебряного века отнюдь не выказывала индифферентного отношения к насущным проблемам современности. В сложной исторической ситуации порубежья, в условиях ограниченности буржуазных реформ, беспомощных попыток демократизации, усиливавшейся поляризации классовых сил, очевидной несостоятельности внешней и внутренней политики царизма, культурная элита не могла не осознавать закономерности надвигавшихся социальных катаклизмов. Вместе с тем ее ожидания носили характер скорее культурный, чем политический. Оставаясь вне каких-либо конкретных партийных платформ, она выступала не с классовых, а с общенациональных и общечеловеческих позиций.

Политический переворот, по мнению творцов Серебряного века, сам по себе не принесет кардинального изменения жизни. Внешние условия повседневного существования не в силах преобразовать человека, поэтому социально-политическая революция ложна. Единственная возможность истинного пересоздания жизни – изменение сознания людей, достижимое лишь средствами культурного порядка в ходе Великой Революции Духа. Представители культурной элиты не отрицали социальной революции как возможного способа устройства человеческого общества, однако рассматривали ее не как конечную цель истории, но лишь как промежуточную. Собственно политические и социальные формы революции они понимали как сугубо внешние атрибуты более глубинных и содержательных процессов духа. Самый «больной» вопрос своего времени – вопрос о дальнейших исторических путях России и всего человечества – Серебряный век решал в романтическом ключе, предложив концепцию жизнетворчества, духовного пересоздания мира.

Раздел «Русская революция в представлениях и оценках культурной элиты» посвящен анализу восприятия творцами Серебряного века реально свершившихся в стране социальных преобразований. Революционные процессы и события, наблюдавшиеся в действительности, имели мало общего с умозрительными ожиданиями культурной элиты. Потрясения 1905–1907 и 1917 годов были восприняты ею неоднозначно, в сложных метаниях от ощущения краха или смирения с неизбежным до сохранявшихся романтических упований на духовный переворот, который непременно должен стать продолжением социальных сдвигов. Но, в любом случае, никто из творцов Серебряного века не усматривал в общественных переменах, так или иначе следовавших за каждым революционным взрывом в России, конечных целей чаемого ими переустройства мира.

Культурная элита неизменно подчеркивала, что социальная революция не несет в себе созидательного начала, поскольку она изначально движима пафосом крушения старого мира. Оценивая последствия социальных катаклизмов начала XX века, культурная элита пришла к выводу, что в результате революции оказались разрушены все жизненные функции государства и все условия стабильного социального существования –

собственность, управление, гражданские права, суд, международные обязательства. Под лозунгами социализма, то есть справедливого социального устройства, началось антисоциальное, анархическое разложение общества. Революция не принесла ни укрепления государственности, ни подъема народного хозяйства, ни примирения противоборствующих сил, ни политического освобождения, ни уважения к личности. Революционное действие, направленное лишь на внешние преобразования, вылилось главным образом в перераспределение властных и материальных ресурсов.

Культурная элита, прежде всего, в лице веховцев, стремилась найти объяснение тому, что освободительная борьба в России пошла по ложному, с ее точки зрения, пути и приняла уродливые формы. Романтическая по своей культурной природе направленность общественного сознания сказалась, в том числе, на каузальных выводах культурной элиты относительно социально-политического напряжения рубежной поры. Не оспаривая наличия множества объективных предпосылок развития революционного процесса в России, таких как обветшавшая властная система царизма, острое столкновение жизненных интересов различных классов и групп, наконец, тяготы войны, культурная элита при осмыслении причин, характера и последствий общественных потрясений начала XX века на первый план выдвигала субъективные, социально-психологические и социокультурные факторы. Катализатором революционного подъема в этой среде мыслилось духовное состояние всех слоев общества, в особенности интеллигенции. В аналитических размышлениях культурной элиты особо подчеркивалось, что толчок к социальному взрыву задавала именно интеллигенция, носитель революционных идей и вдохновитель практических действий радикального характера. Сама специфика русской революции, с точки зрения мыслителей Серебряного века, предопределялась характером, всем культурным и нравственным обликом, мыслительным складом интеллигенции. Социальная страта, призванная служить обществу своим интеллектуальным трудом и духовным подвижничеством, вместо просвещения народа занялась революционной пропагандой, вместо нравственного, умственного и профессионального усовершенствования во благо своей страны развернула экстремистскую деятельность.

Цели, ставившиеся революционной демократией, представлялись творцам Серебряного века трагическим заблуждением. Основной вывод культурной элиты о путях возрождения страны, о способах ее нравственного и социального оздоровления сводился к тезису, что главная задача состоит не в насильственном свержении существующего строя, а в изменении умов. Эта мысль, бесспорно, заслуживает внимания, но она оказалась несвоевременной в кризисных общественных условиях. Теоретические утопии культурной элиты уводили ее от действенного решения мучительнейших российских проблем. На реальные запросы жизни творцы Серебряного века отвечали философскими размышлениями о спасительной роли духовной красоты, в то время как стране необходим был радикальный практический выход из

тупиковой и гибельной конкретно-исторической ситуации. Наиболее жизнеспособными в сложный исторический момент оказались политические силы, предлагавшие реальный способ разрешения кризиса, плох он был или хорош.

Примечательно, что классовые и идейные антагонисты в порубежной России опирались на одни и те же социальные и ментальные архетипы: чувство коллективизма; стихийное «творчество масс»; мессианизм; предпочтение жизненной «правды» или житейской справедливости незыблемости закона; эсхатологическую устремленность в абстрактное «светлое будущее», ради которого игнорируются сегодняшние насущные потребности; наконец, характерное для бинарных культур тяготение к резким разрушительным процессам, при которых происходит не переход в новое качество, а простая смена знаков. При этом Серебряный век, как любое романтическое явление, выдвигал идею полнокровного национального возрождения. Однако она проиграла космополитической по духу инокультурной концепции марксистов. Видимо, здесь был приведен в действие культурный механизм, описанный Б.А. Успенским: в конфликтных ситуациях участники исторического процесса говорят на разных культурных языках, то есть одни и те же тексты читают различными способами. Изложенная доступным для самого примитивного понимания языком и провозглашавшая четкие, достижимые (хотя бы по видимости) цели, программа большевиков оказалась ближе широким массам, чем абстрактное философствование культурной элиты. Эта часть российского общества свершала огромную и необходимую духовную работу, но слишком расплывчатыми, неопределенными и попросту далекими от реальной жизни были ее представления о непосредственных практических задачах переустройства неудовлетворяющей действительности. Насилие идеи над жизнью, в конечном счете, неизбежно обнаруживает свою несостоятельность, будь то идея «мировой революции» или идея «Великой Революции Духа».

В Заключении подводятся итоги исследования. Обобщающими результатами работы стали выводы о генезисе и культурной природе Серебряного века, о составе его социальной базы, о специфике мировидения его творцов и причинах крушения породившей его культурно-исторической эпохи. Умозаключения относительно неоромантического характера Серебряного века вытекают из контекстного анализа этого социокультурного феномена, динамика которого разворачивалась в конкретных условиях кризисной исторической ситуации.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Воскресенская М.А. Специфика религиозного мировоззрения российской культурной элиты конца XIX – начала XX вв. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. (в печати). 0,6 п.л.
2. Воскресенская М.А. Историко-софские воззрения творцов Серебряного века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 11 (75). С. 74–81. 0,6 п.л.
3. Воскресенская М.А. Русская революция в представлениях и оценках культурной элиты конца XIX – начала XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2008 (сентябрь). № 314. 1,0 п.л.
4. Воскресенская М.А. Формирование культурной элиты российского общества конца XIX – начала XX вв. как фактор мировоззренческого раскола интеллигенции // Вестник Томского государственного университета. 2008 (июнь). № 311. С. 66–70. 0,5 п.л.
5. Воскресенская М.А. Мировоззренческое размежевание российской культурной элиты конца XIX – начала XX вв. с революционным крылом интеллигенции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 2. С. 96–103. 0,6 п.л.
6. Воскресенская М.А. Культурологические подходы в историческом познании: вопросы историографии // Вестник Томского государственного университета. 2008 (февраль). № 307. С. 58–63. 0,75 п.л.
7. Воскресенская М.А. Серебряный век: вымысел, умысел или реальность (замечания к неоконченному спору о терминах) // Вестник Томского государственного университета. 2007 (февраль). № 295. С. 119–122. 0,4 п.л.
8. Воскресенская М.А. Символистская публицистика как исторический источник // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. 2008. № 1. С. 25–30. 0,5 п.л.

Монография

9. Воскресенская М.А. Символизм как мировидение Серебряного века: Социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX–XX вв. Москва: Логос, 2005. 236 с. 14,8 п.л.
(1-е изд-е: Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 226 с.).

Другие публикации

10. Воскресенская М.А. Проблема революции в общественном сознании российской культурной элиты начала XX века // Россия и революция 1917 г.: Опыт истории и теория: Материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 12–13 ноября 2007 г.). СПб.: Олеариус Пресс, 2008 (в печати). 0,75 п.л.
11. Воскресенская М.А. Культурно-исторические истоки Серебряного века // Материалы Международной научной конференции «II Исторические чтения Томского государственного педагогического университета», посвященные 105-

летию ТГПУ, 75-летию образования исторического факультета ТГПУ (20–21 ноября 2007 г.). Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. Ч. 1. С. 56–63. 0,4 п.л.

12. Воскресенская М.А. Проблемы культуры в современном историописании // Материалы Международной научной конференции «II Исторические чтения Томского государственного педагогического университета», посвященные 105-летию ТГПУ, 75-летию образования исторического факультета ТГПУ (20–21 ноября 2007 г.). Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. Ч. 2. С. 31–36. 0,3 п.л.

13. Воскресенская М.А. Культурно-историческое познание и его место в современной гуманитарной образовательной практике (Методические пролегомены к авторскому учебному курсу «Серебряный век как социокультурный феномен») // Материалы Международной научной конференции «II Исторические чтения Томского государственного педагогического университета», посвященные 105-летию ТГПУ, 75-летию образования исторического факультета ТГПУ (20–21 ноября 2007 г.). Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. Ч. 1. С. 286–290. 0,3 п.л.

14. Воскресенская М.А. Духовные искания российской культурной элиты рубежа XIX–XX веков в претворении символистов // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы VII Международной научной конференции (Иваново, 13–14 февраля 2008 г.). Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2008. С. 225–230. 0,3 п.л.

15. Воскресенская М.А. Романтическая концепция революции в идейном наследии Серебряного века // Власть и общество в России во время русско-японской войны и революции 1905–1907 гг.: Материалы научно-практической конференции 29–30 сентября 2005 г. СПб.: Олериус Пресс, 2007. С. 225–227. 0,25 п.л.

16. Воскресенская М.А. Символистская периодика как исторический источник // Акценты: Новое в массовой коммуникации. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. № 5/6 (68/69). С. 21–24. 0,5 п.л.

17. Воскресенская М.А. История культуры или культурная история? (К вопросу о подходах к культурно-историческому познанию в современной исследовательской и образовательной практике) // Тенденции современного образования: Материалы международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во СПб. филиала ВШЭ, 2007. С. 24–26. 0,2 п.л.

18. Воскресенская М.А. Декаданс, символизм, модерн: к вопросу о разграничении понятий // Декаданс в Европе и России: 150 лет жизни под знаком смерти. Волгоград: Изд-во Волгоград. академии гос. службы, 2007. С. 5–13. 0,5 п.л.

19. Воскресенская М.А. Российская периодическая печать конца XIX века и становление русского символизма // Медийные стратегии современного мира: Материалы Международной научно-практической конференции (Сочи, 31 октября – 2 ноября 2007 г.). Краснодар: КубГУ, Ин-т медиаисследований, 2007. С. 118–121. 0,2 п.л.

20. Воскресенская М.А. История и культура: смыслообразующая корреляция // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире: VII Международные Лихачевские научные чтения, 24–25 мая 2007 г. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. С. 271–272. 0,2 п.л.

21. Воскресенская М.А. Российская культурная элита начала XX века в поисках ответов на «проклятые» вопросы эпохи // Международный сборник научных трудов (ноябрь 2006 г.). СПб.: Инфо-да, 2006. С. 77–90. 0,7 п.л.

22. Воскресенская М.А. Материалы по истории русского символизма. Томск: ТГУ, 2006. 35 с. 2,0 п.л.
23. Воскресенская М.А. Городская культура Томска: Основные тенденции развития в губернский период. Томск: ТГУ, 2006. 27 с. 1,3 п.л.
24. Воскресенская М.А. Серебряный век как социокультурный феномен. Томск: ТГУ, 2005. 31 с. 1,1 п.л.
25. Воскресенская М.А. Мифотворчество и язык культуры Серебряного века // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. С. 296–308. 0,6 п.л.
26. Воскресенская М.А. К вопросу о методике локально-исторического исследования культуры Серебряного века // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. С. 73–80. 0,4 п.л.
27. Воскресенская М.А. Социокультурный облик западноевропейского символизма // Проблемы междисциплинарных исследований в гуманитарных науках: Научный ежегодник Томского МИОН – 2002. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 29–70. 2,0 п.л.
28. Воскресенская М.А. Революция Серебряного века // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 287–292. 0,4 п.л.
29. Воскресенская М.А. Социокультурная природа Серебряного века // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 27. С. 71–93. 1,1 п.л.
30. Воскресенская М.А. Об этнокультурной специфике русского символизма (конец XIX – начало XX века) // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 81–89. 0,4 п.л.
31. Габитова (Воскресенская) М.А. Символ в социокультурной эволюции // История, экономика, культура, общественная мысль России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 3–27. 1,2 п.л.
32. Габитова (Воскресенская) М.А. Поиски путей духовного обновления и творческого пересоздания жизни в теории и практике русского символизма // Молодежь. Духовность. Творчество: Материалы молодежного семинара (28 ноября 1997 года). Томск: ТГПИ, 1997. С. 50. 0,1 п.л.
33. Габитова (Воскресенская) М.А. Философские аспекты русского символизма в историческом контексте эпохи (конец XIX – начало XX века) // Природа, общество, человек: Региональная научно-практическая конференция молодых специалистов: тезисы докладов «Гуманитарные науки» (декабрь 1994 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 19–20. 0,2 п.л.